

СЕКЦИЯ “КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЗНАНИЯ В ЗЕРКАЛЕ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ”

М.С. Шишков

ИЗМЕНЕНИЕ СТРУКТУРЫ КОНЦЕПТА “СМИРЕНИЕ” КАК ОТРАЖЕНИЕ ПРОЦЕССА ДЕФОРМАЦИИ СМЫСЛОВ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Санкт-Петербургский государственный университет

В последнее время появилось много работ, посвященных проблеме существования и развития современного русского языка. Л. В. Савельевой было предложено понятие “языковой экологии” [8, 10-11], которое позволяет осмыслить происходящие в языке процессы на всех уровнях. Когда речь идет об “экологии”, всегда подразумевается человек в окружающем его мире, в случае с “языковой экологией” нам приходится говорить не столько о нарушениях норм и правил использования языка, сколько о глубинных процессах, затрагивающих сознание его носителей, т. е. об изменении в языковой картине мира. Такой подход к языку актуален и с научной точки зрения – в связи со становлением антропоцентрической парадигмы в языкознании.

В статье анализируется процесс изменения структуры одного из важных для русской лингвокультуры концептов – концепта “смирение”.

А. Д. Шмелев пишет, что “для русской языковой картины мира чрезвычайно характерна установка на „примирение с действительностью“ [12, 367], которая может быть выражена разными средствами: смирением, “наплевательством” и др. При этом *смирение* осознается как безусловно положительная черта. Недаром смирение характеризует святых.

Особенностью выбранного концепта является его православная маркированность, не всегда осознаваемая носителями языка при употреблении самой лексемы *смирение*. Причиной этому может быть тот факт, что русское языковое сознание почти тысячелетие формирова-

лось под влиянием православия, нормы православной этики становились частью жизни, а оттого многие исконно этические понятия входили в повседневный язык, переставали осознаваться как принадлежащие к церковной сфере.

Изучение этических концептов (а концепт “смирение”, несомненно, относится к их числу) порождает ряд трудностей, возникающих из-за особенностей функционирования “православного компонента” лингвокультурного пространства современного русского языка (т. е. исторически сложившейся и некоторым образом структурированной совокупности концептов, имеющих православную маркированность и присущих языку в целом, а не только религиозному дискурсу). Основным становится вопрос определения границ этического измерения, т. е. того, с каких позиций должна быть осмыслена этика.

Спецификой православного мировоззрения, закрепившегося в русском языке, является наличие вектора нравственного закона (в отличие от вектора психологии личности, характерного для обыденной этики [7, 178]). При таком подходе область *этического* в языке будет гораздо шире, т. к. нравственный закон может быть применен в трех соотношениях: 1) человек – Бог, 2) человек – человек и 3) человек по отношению к себе самому. Все концепты (не только языковые, но и религиозные), которые можно включить в эту тройственную парадигму, относятся к этическим (нравственным) концептам.

Представленное понимание этического поля – специфика русской (лингво)культуры. Поэтому на первый взгляд неочевидное отнесение к этическим рассматриваемого концепта “смирение” на самом деле правомерно, ведь здесь задействованы все три вектора: смирение перед Богом, смирение перед человеком и смирение перед самим собой.

Мы не ставим задачи охватить в одной статье все особенности функционирования концепта “смирение”, а ограничимся анализом употребления лексемы *смирение* в современном языке в текстах разных функциональных стилей.

Для начала необходимо сделать несколько комментариев этимологического и исторического характера, которые помогут раскрыть потенциальные пути развития концепта.

В этимологическом словаре М. Фасмера сказано, что исконная этимология слова – от *смѣрѣнь* (родств. слову *мѣра*). Там же отмечено, что сближение со словом *мир* неверно (народная этимология) [11, 688–689]. Таковую же этимологию предлагает и А. Д. Шмелев, связывая изменение огласовки с “влиянием созвучия со словами *примириться* и *примирение*” [12, 370].

Кажется, такая этимология все же не совсем точна. В Супрасльской рукописи (на которую ссылается М. Фасмер) встречаются напи-

сания и с ѣ, и с и: греческие эквиваленты показывают истинное различие этих двух слов (εἰς ὄνηз и κβφβλβгЮ — *сѣмѣренне* ‘примирение, мир’ [9, 657], фбрѣяншуйт — *сѣмѣренне* ‘покорность’ [9, 659]).

Постепенно близость семантики и употребления приводит к тому, что лексема *смирение* “вбирает” в себя значение слова *сѣмѣренне* и становится доминирующей (так, в церковнославянском языке осталась только полисемантическая лексема *смирение*).

Теперь обратимся к функционированию рассматриваемого концепта в современном русском языке (иллюстративный материал взят из Национального корпуса русского языка, www.ruscorgpora.ru).

Проследить направление изменений структуры концепта, как кажется, возможно из сопоставления словоупотребления в трех типах текстов: 1) текстов религиозного дискурса, в которых ожидается проявление ядерных свойств концепта в наиболее “чистом” виде, 2) текстов классической русской литературы (в которых возможно авторское периферийное развитие концепта) и 3) текстов современной публицистики, отражающих самые последние изменения в языке.

Основное значение слова *смирение* в религиозном дискурсе — ‘отсутствие гордости, покорность, мир с Богом’.

О таком понимании смирения прямо говорит в одной из книг митр. Антоний Сурожский: “*Это время, когда мы можем научиться смирению, то есть миру: миру с Богом, миру с самими собой, миру со всей тварью*” [1]. Такое же значение встречаем и у другого автора: “*Промысл Божий руководит жизнью каждого человека к этой спасительной пристани смирения, где вершина радости — в принятии воли Божией*” [3].

В классической русской литературе мы встречаем это слово (чаще всего) в таком же значении, например: “*С безропотным христианским смирением низошел старик со света в темный каземат, и этот каменный гроб, куда схоронили от жизни Кочетова, с первого же дня его заточения дохнул на небо хвалою и песнью бессмертного духа*” [4].

Но в ряде контекстов значение несколько деформируется, оставаясь при этом в рамках осознаваемых языковых переносов: “*Что ты напрасно нудишь себя и без дела докучаешь пустяками нашему смирению?*” [5].

Как видим, в классических текстах на периферии концепта могут возникать нетипичные значения (в приведенном примере — ‘монашеская жизнь, которую должно характеризовать смирение’), хотя ядро, т. е. ключевые характеристики, не затрагивается.

Современная публицистика предоставляет примеры разрушения христианской составляющей концепта: “*И физика, как никакая другая наука, получила в XX веке двойственный урок гордыни и смирения*” [2]. Или другой пример: “*В тех порядках и нравах, которые царят*

в русском фигурном катании, можно было бы увидеть даже какую-то старую мудрость: *терпи, смирись и твой час придет*. Однако, как показали казанские события, *в смиренности есть что-то противное спорту*” [6].

Здесь смирение выступает не как добродетель, а как препятствие достижения цели (что объяснимо: психология личности на первый план выдвигает гордость в качестве добродетели, в спорте есть желание победы и славы любой ценой).

Смирение в некоторых контекстах приобретает еще больше отрицательных коннотаций: “*А главное, душу народную Советы испортили – не было у людей сострадания к ближнему, благотворительности. Не побирались, совки проклятые, смирение утратили! Право на труд и хорошая пенсия лишила человека благодати бедности и блаженства нищеты*” [10]

В этом примере со злой иронией автор нападает не на Советы, а на дореволюционную Россию. Смирение ставится в ряд с нищетой, бедностью. Здесь оказывается решающим словесное окружение (!): *нищета* – значит *побираться*. Одно яркое, стилистически окрашенное (негативно) слово извращает смысл всего текста, меняет ценностный знак концепта с положительного на отрицательный.

Использование неестественной сочетаемости в публицистическом тексте приводит не только к периферийным явлениям, но и к нейтрализации ядерного компонента (остается лишь устойчивая антонимическая пара *гордыня* – *смирение* безотносительно к христианской этике).

Многочисленность подобных контекстов может сказаться и на структуре концепта, т. к. употребление слова в определенном окружении, постоянное соседство с семантически несовместимыми словами приводит на первом этапе к контекстуальной деформации концепта, а затем входит и в семантику слова (коннотации, сочетаемые свойства), разрушая сначала периферию, а затем нейтрализуя ядро концепта.

Последствием разрушения ядра концепта может стать непонимание культурно значимых текстов классической литературы, в которых православно маркированные концепты играют важную роль: порой только через их понимание удается прочитать художественное произведение во всем богатстве его оттенков.

Но наибольшую опасность представляет извращение доминантных этических (или выше – нравственных) концептов, которое приводит к деформации языковой картины мира, происходит аксиологическая перемаркировка компонентов лингвокультурного пространства. Это сказывается и на менталитете народа, т. к. заложенные в ядре концепта нравственные характеристики перестают быть релевантными по отношению к носителям языка.

Библиографический список

1. Антоний (Блум), митр. Сурожский. Преподобный Иоанн Лествичник (1989).
2. Горелик Г. Свобода науки и свобода совести // “Знание – сила”. – 2003. – № 9.
3. Игнатия (Петровская), мон. Слово о старчестве (1992–1999).
4. Лесков Н. С. Чающие движения воды.
5. Лесков Н. С. Легенда о совестном Даниле.
6. Порошин И. Закон и порядок. В Казани российские фигуристы провели плановое мероприятие // “Известия”, 2002.12.29.
7. Рябцева Н. К. Этические знания и их “предметное” воплощение // Логический анализ языка: Языки этики. – М., 2000. – С. 178–183.
8. Савельева Л. В. Русское слово: конец XX века. – СПб., 2000. – 216 с.
9. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р. М. Цейтлин и др. – М., 1999. – 842 с.
10. Телегин С. Трудись, душа! // “Советская Россия”, 2003.05.15.
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х тт. – Т. 3. – М., 1971.
12. Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. – М., 2002. – 496 с.

Е.А. Яковлева, А.С. Кудрякова

РОЛЕВОЙ ПРИНЦИП ОРГАНИЗАЦИИ ЛИРИКИ КАК СПОСОБ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ВНУТРЕННЕЙ ЛИЧНОСТИ (на примере лирики М.Цветаевой)

*Башкирский государственный педагогический университет
Нижевартровский государственный гуманитарный университет*

Богатство и разнообразие творческого наследия М.Цветаевой обусловило возникновение нескольких направлений современного цветаеведения: биографо-литературоведческого, психолингвистического, философского, лингвокультурологического и филологического [Белкина 1988; Кудрова 1987; Козлова 1987; Таубман 2000; Венцлова 1992; Зубова 1989; Гаспаров 1982; Лотман 1996; Ревзина 1989].

Мы считаем, что существует еще один подход к анализу произведений М.Цветаевой – коммуникативный, который предполагает многоуровневое взаимодействие автора и читателя (внешних участников диалога), с одной стороны, и лирической героини и ее адресатов (участников внутреннего диалога) – с другой. Рассмотрение стихотворения как особого вида диалога позволяет выявить характерные черты речевого поведения лирической героини и главное – “я-кон-